

Горькій и сектанты о Толстомъ.

— Непротивленіе злу, это что-то рабское, тупое и странное. Я самъ былъ у Толстого, жилъ двѣ недѣли, и.... знаете, вынесъ убѣжденіе, что Толстой вовсе не философъ, а проповѣдникъ. Заурядный и потому не вносящій новаго слова. Сила и, если хотите, гений Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ», въ «Аннѣ Карениной». Тамъ онъ гигантъ, —здѣсь въ проповѣдяхъ— пигмей...

Такъ говорилъ мнѣ Горькій осенью 1900 года. Я не соглашался, я противорѣчилъ вовсе не по привычкѣ къ противорѣчіямъ, а потому, что Толстой казался мнѣ всегда и во всемъ великимъ. Соглашаясь съ Толстымъ, я зналъ, что проповѣдь его является для многихъ тѣмъ душеспасительнымъ клапаномъ, который, сохраняя неприкосновенность мѣщанскихъ душъ отъ общественныхъ тревоженій, прикрывается краснымъ словцомъ—

— Самосовершенствованье!..

Прошло пять лѣтъ. Горькій всенародно писалъ:

— «Толстой—одинъ изъ величайшихъ гениевъ, силою таланта потрясшій весь міръ,—обратившій на Россію изумленное вниманіе всей Европы и какъ родной вставшій въ ряды людей, чьи имена Шекспиръ, Дантъ, Сервантесъ, Руссо и Гете... однажды оказалъ плохую услугу своей темной несчастной странѣ».

Это было время Сипягиныхъ, Плеве, Побѣдоносцевыхъ.

„Тяжелыя сѣрыя тучи реакціи плыли надъ страной, гасли яркія звѣзды надежды, уныніе и тоска давили юность, окровавленные руки темной силы снова быстро плели сѣти рабства“.

И вотъ въ это время, когда нищета и невѣжество народа достигли своего апогея, когда—

Свободно рыскалъ звѣрь,

А человѣкъ бродилъ пугливо,—

Когда вялая русская литература стонала (подъ бичами) въ цензорскихъ застѣнкахъ, Левъ Толстой сказалъ:—

— Самосовершенствуйся!

И добавилъ изъ глубины яснополянскаго кабинета—

— Не противься злу насиліемъ!..

«Есть что-то подавляюще—уродливое и постыдное, пишеть Горькій,—есть что-то близкое насмѣшкѣ въ этой проповѣди терпѣнія и непротивленія злу». Такъ говоритъ представитель литературной молодежи нижегородской иеховой А. М. Пѣшковъ; теперь послушаемъ, что говорятъ о Толстомъ представители крестьянскаго труда, заурядные Петры и Никиты.

Къ этимъ Петрамъ и Никитамъ пріѣхалъ я весной 1903 года въ глухой лѣсной уголъ семеновскаго уѣзда. Дѣло было въ праздничъ на вечеринкѣ дочтеннаго старика-безполовца. Узнавъ о цѣли моего путеше-

ствія, одинъ изъ безпоповцевъ тихо спросилъ меня.—

— Не знаете ли изъ газетъ, какъ поживаетъ Толстой?

Вопросъ былъ вызванъ, вѣроятно, запоздалой злобой дня—отлученіемъ Толстого отъ церкви. Я сталъ рассказывать и видѣлъ, какъ мало по малу группируются вокругъ меня сѣдобородые солидные сектанты. По окончаніи разсказа ко мнѣ выступилъ самъ хозяинъ.

— Толстой—великій умъ, внушительно заговорилъ онъ,—пишетъ онъ много правдиваго. Куда онъ бросаетъ камнями, туда же бросаемъ и мы. Развѣ это не камни: Свобода исповѣданія, незатемненное ученіе Христа, презрѣніе лжи фарисейской и непротивленія злу... все это камни врагамъ...

— Даже непротивленіе злу? переспросилъ я.

— Да и непротивленіе...

— Объясните, пожалуйста, хотя на примѣрѣ.

— Примѣры у всѣхъ на виду—возьмите—убіеніе Христа... не подтвердивъ свое ученіе смертью, могъ ли быть Христосъ—Христомъ? Могло ли жить безъ этого подтвержденія самое ученіе... То ученіе, которое въ концѣ-концовъ побѣдитъ все зло? не думаю. И потомъ—не служатъ ли имена Иуды, Пилата и фарисеевъ на порицаніе всѣхъ вѣковъ?

Я слушалъ.

— Служать,—заканчивалъ свою рѣчь сектантъ,—и если Толстой говоритъ не противъ злу насиліемъ—онъ проникъ во всю сущность не только нашего времени, но и всѣхъ вѣковъ. Мы это понимаемъ такъ: противъ злу нужно и должно не насиліемъ, а чистотой души, самопожертвованьемъ, любовью къ людямъ, просвѣщеніемъ...

— И тогда?

— Тогда побѣда за нами. Побѣда не въ силѣ, а въ правдѣ.

Побѣда въ правдѣ—тоже говоритъ и Горькій, но какъ далекъ его взглядъ, зажженный пламенемъ борьбы, отъ взгляда семеновскаго сектанта.

Шпаць.